Я им сделал софу, говорю с ними, и эти добрые люди мне всякого блага (это их слова) желают. Сколько я турков в короткое время узнать мог, то нахожу, что этот народ, по крайней мере, что сказал, то и сделал» (56).

Отсутствие ненависти и агрессии к туркам было связано не с природным добродушием Хемницера, а объяснялось в значительной степени спецификой идеологического обоснования русско-турецких войн и в целом стратегии внешней политики Екатерины. В многочисленных рескриптах, или, иначе говоря, «мудрых повелениях»,[11] императрицы полномочному министру России в Константинополе и его подчиненным прямо была сформулирована высшая цель всех предпринимаемых усилий: «величие и польза Империи нашей».[12] Показательно, что эта главная государственная ценность легко заменялась рядом синонимов — «слава России» или «достоинство Престола Нашего», которые предполагали в конкретном контексте отношений с Константинополем «новые и многие выгоды для торговли»,[13] «приведение дел наших с Портою в решительное положение»[14] и «умножение инфлюенции в Европе».[15] От Я. И. Булгакова и других представителей Петербургского двора в этой ситуации ожидалась «твердость, достоинству министра нашего сходственная».[16] В указах, реляциях, донесениях и других документах, обслуживающих каждодневную политическую практику, а также в частной переписке, дневниках и даже мемуарах современников, то есть в источниках, отражающих прежде всего обыденное сознание, оценки жесткого противостояния России и Порты лишены любых религиозно-исторических ассоциаций. Наказание неверных, освобождение православных из-под мусульманского ига, борьба за святыни завоеванной Византии и т. п. в действительности очень мало значили для полководцев и дипломатов. Они были вдохновлены «позитивной стратегией» расширяющейся империи и хорошо усвоили только одно — ничто «не может убедить нас уступить единый шаг из того, к чему мы право имеем»[17] или, говоря словами Хемницера, — «пока моря да корабли будут, ездить станем» (76).

---

[11] См.: письмо Я. И. Булгакова А. А. Безбородко. 13 июля, 1781 г. Херсон // Сборник русского исторического общества. 1885. Т. 47. С. 2.

[12] См., например: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 3 октября, 1783 г. Петербург // Там же. С. 91.

[13] См., например: донесение Я. И. Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября, 1781 г. // Там же. С. 6.

[14] См.: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 3 октября, 1783 г. Петербург // Там же. С. 90.

[15] См., например: донесение Я. И. Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября, 1781 г. // Там же. С. 6.

[16] Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову. 3 июля, 1782 г. Петергоф // Там же. С. 33.

[17] См.: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 5 марта, 1782 г. Петербург // Там же. С. 20.